

НАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ В ЭПОХУ СЛОЖЕНИЯ СКОТОВОДЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ (III ТЫС. ДО Н.Э. - СЕРЕДИНА I ТЫС. Н.Э.)

Д.Г. САВИНОВ*

Минусинская котловина — родина енисейских кыргызов — сравнительно небольшая территория на стыке Центральной и Северной Азии, ограниченная на юге и на востоке хребтами Западного и Восточного Саяна, на западе — отрогами Алтайских гор и Кузнецким Алатау, на севере — лесостепной полосой и началом сибирской тайги. Минусинская котловина или бассейн Среднего Енисея, в силу благоприятных условий, всегда были местом притяжения различных групп населения, носителей разных культурных традиций, которые из-за определенной изолированности территории не исчезали со сменой археологических культур, а сохранялись достаточно долгое время, обеспечивая преемственность в общем потоке культурогенеза. В полной мере это относится к енисейским кыргызам, в культуре которых можно проследить элементы многих традиций, в силу различных обстоятельств «стянувшихся» на Енисее. Кроме того, само проживание в степях Минусинской котловины, среди древних курганов, окруженных высокими камнями, загадочных изваяний эпохи бронзы, многочисленных скоплений петроглифов и остатков поселений, которых было значительно больше, чем в настоящее время, должно было определенным образом сформировать «ауру» культуры енисейских кыргызов как наследников и преемников этого великого прошлого.

Минусинскую котловину иногда называют «Сибирской Троей», в верхних слоях которой около середины I тыс. н.э. Фиксируются этнические контуры культуры енисейских кыргызов, многие элементы которой имеют значительно более глубокие истоки. Немаловажное значение в этнокультурогенезе кыргызов на Енисее играли и различного рода миграционные

---

* Профессор Санкт-Петербургского университета.

процессы. Однако, как писал С.М. Абрамзон, один из самых видных этнографов-киргизоведов, «этническая история — это совокупность явлений социальных, экономических и других, а также процессов, затрагивающих культурные, бытовые и этнические традиции. Она не может быть сведена главным образом к миграциям, вызванным политическими событиями и военными столкновениями» (Абрамзон, 1971, с. 17). Именно с этих позиций ниже рассматриваются историко-культурные процессы, происходившие в Минусинской котловине, начиная с появления первых скотоводов на Енисее (III тыс. до н.э.) до самых ранних упоминаний о енисейских кыргызах в письменных источниках (середина I тыс. н.э.).

Периодизация древней истории племен Минусинской котловины была создана в 20-х гг. XIX в. С.А. Теплоуховым, выделившим по результатам своих раскопок у с. Батени на левобережье Енисея ряд последовательно сменяющих друг друга археологических культур — от эпохи ранней бронзы до монгольского времени включительно. Несмотря на огромное количество полученных впоследствии археологических материалов, периодизация С. А. Теплоухова до сих пор сохраняет свое значение, а предложенные им по местам первых раскопок наименования культур — афанасьевская, андроновская, карасукская, таштыкская — навсегда укрепились в научной литературе. Единственное добавление — это выделенная позднее Г. А. Максименковым окуневская культура, занявшая «свое место» между афанасьевской и андроновской культурами, названная по погребениям Окунева улуса, также раскопанным в 1928 г. С.А. Теплоуховым.

Первая из ряда скотоводческих культур на Среднем Енисее — афанасьевская культура, с которой связаны крупнейшие инновации в культурогенезе древнего населения Южной Сибири, надолго определившие весь путь ее дальнейшего развития. Во-первых, это появление скотоводства, именно с этого времени (на Енисее — с середины III тыс. до н.э.) скотоводство (сначала пастушеское, а затем отгонное и полукочевое) становится основой производящей экономики населения горно-степных районов Южной Сибири. Во-вторых, это появление европеоидного населения (афанасьевцы — первые европеоиды в Южной Сибири). Впоследствии европеоидность (в чистом или смешанном виде) будет характерна для носителей всех южносибирских культур эпохи бронзы и раннего железа, вплоть до конца тагарской культуры, т.е. до хуннского времени. В этом смысле не исключено, что легендарные «рыжеволосые и голубоглазые» динлины, вошедшие, согласно сведениям письменных источников, в состав енисейских кыргызов, могли быть далекими потомками этого европеоидного населения. В-третьих, это знакомство с производством металлических изделий (сначала в виде отдельных украшений и мелких орудий из меди, а затем из искусственных сплавов, из бронзы). С

этого момента начинается поступательный процесс развития южносибирской металлургии, приведший к появлению знаменитых минусинских (карасукских и тагарских) бронз. Указанные инновации, в первую очередь, скотоводческое хозяйство и металлургия, привели к опережающим темпам развития населения Южной Сибири по сравнению со всеми окружающими областями, где еще долгое время продолжали существовать прежние неолитические традиции. Поэтому вполне закономерно, что первое государственное образование на территории Южной Сибири - государство енисейских кыргызов — появилось именно здесь, в Минусинской котловине, где процессы культурного, а следовательно и социального развития происходили наиболее динамично.

Памятники афанасьевской культуры на Енисее представлены главным образом погребальными комплексами. Всего, по данным 1986 года, было раскопано 183 кургана, содержащих 309 погребений (здесь и далее количество исследованных памятников указывается по книге Э.Б. Вадецкой «Археологические памятники в степях Среднего Енисея»; позднее подобные подсчеты не производились). С точки зрения погребального обряда, минусинские памятники афанасьевской культуры достаточно однородны. Это круглые ограды, диаметром от 5-8 до 12-15 м, сложенные из горизонтально положенных плиток. Погребения чаще всего коллективные, в неглубоких (до 1,5 м) квадратных ямах. Положение погребенных — на спине с поднятыми вверх коленями или реже — на боку с подогнутыми ногами. Высказано предположение о том, что подобная «поза» погребенных может объясняться тем, что до этого они могли быть усажены в каких-то специальных центрах, а уже затем «окаменевших в таком положении покойников клали в могилу на бок, а иногда на спину» (История Сибири, 1968, с. 160-161). Возможно, что это является первым указанием на то, что у афанасьевцев существовали какие-то определенные места, где до погребения хранились тела умерших. Об этом же свидетельствуют следы зубов диких животных на некоторых костях, случаи отдельного захоронения черепов, а также то, что все коллективные захоронения, иногда до 5-8 человек, совершались одновременно.

Инвентарь афанасьевских погребений сравнительно беден. Это — медные украшения и мелкие изделия, кремневые наконечники стрел, костяные и каменные предметы. В единичных экземплярах известны украшения из золота, серебра и метеоритного железа (своеобразная «проба пера» при первом знакомстве с металлами). Основную часть находок из погребений афанасьевской культуры составляет характерная остродонная керамика, украшенная «елочным» орнаментом; встречаются также ритуальные сосуды-курильницы. Афанасьевский вещественный комплекс достаточно цельный и не делится на хронологические этапы, что скорее всего свидетельствует о появлении этой

культуры на Енисее уже во вполне сформировавшемся виде. На общем фоне ровных в социальном отношении погребений афанасьевской культуры выделяется курган у с. Восточное: одиноко стоящее крупное сооружение с высотой ограды более 2 м, площадь которого изнутри была выложена плоскими плитами. В центральной могиле здесь находилось захоронение двух обезглавленных людей — мужчины и женщины. В ногах и головах у них обнаружены останки младенцев, а на площади кургана — одно сопроводительное захоронение, обычное для других афанасьевских могильников. Рядом с мужским скелетом найдено более 200 костяных гвоздиков, некогда украшавших посох (или длинный жезл) и указывающих на исключительно высокий социальный статус погребенного. По справедливому замечанию Э.Б. Вадецкой, с кургана у с. Восточное «начинается серия особо монументальных курганов знати, имевшихся в Минусинских степях во всех эпохи» (Вадецкая, 1986, с. 22).

Вопрос о происхождении афанасьевской культуры окончательно не решен. Долгое время господствовала миграционная теория, связывавшая появление афанасьевцев с приходом в Минусинскую котловину населения ямной культуры (или одной из культур ямной культурной общности) из степных районов Северного Причерноморья; однако из-за отсутствия аналогичных памятников на промежуточных территориях принять эту теорию трудно. Высказанные позже гипотезы о переднеазиатском, среднеазиатском или центральноазиатском происхождении афанасьевцев также лишены достаточного обоснования. Обращаясь непосредственно к археологическому материалу, следует отметить, что в настоящее время приблизительно равное минусинскому количеству памятников афанасьевской культуры известно на Горном Алтае; причем, в отличие от минусинских, они типологически разделяются по крайней мере на два хронологических этапа. Отдельные погребения, аналогичные горно-алтайским раннего этапа, известны в Монголии и в Туве. Минусинские же памятники афанасьевской культуры синхронны горно-алтайским позднего этапа. Таким образом, как будто в общих чертах намечается последовательность расселения первых скотоводов-афанасьевцев: от широкого субстратного основания, охватывавшего обширные и пока еще, к сожалению, малоизученные в археологическом отношении пространства горно-степных районов севера Центральной Азии, к локализации отдельных групп населения в долинах Горного Алтая и, очевидно, уже отсюда, а не из далекого Причерноморья, переселение их с уже сложившейся культурой в благодатную Минусинскую котловину.

В начале II тыс. до н.э., приблизительно в XVIII в. до н.э., на смену афанасьевской приходит новая, окуневская культура — одна из наиболее ярких и загадочных культур эпохи бронзы Южной Сибири. Количество

погребений окуневской культуры, по данным 1986 года, составляло более 300; сейчас их известно значительно больше. Памятники окуневской культуры разделяются на два хронологических этапа: ранний — уйбатский (по названию могильника Уйбат III; раскопки И.П. Лазаретова) и поздний — черновский (по названию могильника Черновая VIII; раскопки Г.А. Максименкова). Общая протяженность существования окуневской культуры охватывает около пяти столетий (приблизительно до XIII в. до н.э.). Некоторые элементы окуневского культурного комплекса (поза погребенных и ритуальные сосуды-курильницы) могли быть восприняты от афанасьевцев; однако в целом это совершенно иная культура, отличная от афанасьевской. В хозяйстве окуневцев, наряду со скотоводством, значительную роль играла охота. В антропологическом типе населения сочетались черты европеоидности и монголоидности. Отличны устройство и планиграфия погребальных сооружений, форма и орнаментация керамики, состав металлических изделий и, главное, — виды изобразительной деятельности. Одной из важнейших составляющих окуневского культурного комплекса является великолепное сюжетное, с мощной мифологической основой окуневское искусство, в то время как у афанасьевцев существовала только орнаментация керамики.

Для памятников раннего, уйбатского этапа окуневской культуры характерны квадратные ограды из крупных блоков камня, иногда с крестообразно расположенными «дорожками»; четко выделенные центральные погребения в глубоких, иногда двухъярусных могильных ямах с каменными ящиками на дне и деревянным перекрытием на уступах; отдельные захоронения в катакомбах; впервые зафиксированный при раскопках могильника Уйбат III обычай установки на месте погребений каменных стел со схематическим изображением человеческого лица. При раскопках некоторых погребений этого времени найдена афанасьевская керамика, что исследователи объясняют по-разному: как свидетельство сосуществования позднеафанасьевского и раннеокуневского населения; как наличие впускных окуневских захоронений в прежние ограды афанасьевской культуры; или как свидетельство того, что афанасьевцы и окуневцы могли занимать разные экологические ниши: афанасьевцы — степные районы, а окуневцы — районы предгорий. Окончательный ответ на этот вопрос может быть получен только с поступлением новых материалов; однако сам факт сосуществования носителей различных культурных традиций в условиях Минусинской котловины представляется вполне возможным.

Для памятников черновского этапа характерны низкие подчетыреугольные ограды с длиной стороны до 20-25 м из вертикально вкопанных плиток с большим количеством погребений в каменных ящиках. Сами ящики «тесные», расположены близко от уровня древней поверхности, с захороне-

ниями одного или двух человек; однако часто в них же сделаны последующие подхоронения, в результате чего количество погребенных в одном ящике может достигать 3-4 и более человек. Традиционная поза погребенных — на спине, с поднятыми вверх коленями. Известны случаи отдельного захоронения черепов со следами искусственной трепанации. На некоторых черепках сохранились следы раскраски. При сооружении каменных ящиков часто использовались тонкие плиты девонского песчаника с нанесенными на них ранее рисунками. Судя по всему, такие плиты с рисунками первоначально были сделаны для каких-то ритуальных сооружений, связанных с «проводами» умерших, а затем, уже в качестве конструктивных деталей каменных ящиков, сопровождали их в «потусторонний» мир. Все это вместе взятое значительно более определено, чем можно предполагать для афанасьевской культуры, говорит о существовании особых ритуальных центров, где сохранялись до погребения и каким-то образом «экспонировались» тела умерших. Впоследствии та же самая идея нашла свое наиболее яркое выражение в знаменитых таштыкских масках или посмертных «портретах» носителей таштыкской культуры, исторических предшественников кыргызов на Енисее.

Принципиальных различий в сопроводительном инвентаре погребений уйбатского и черновского этапов нет. Наиболее распространенные находки — это орнаментированные глиняные сосуды баночной формы; причем в зону орнаментации входят не только стенки, но и дно сосуда, что является одним из отличительных признаков керамики окуневской культуры. Рисунки на дне сосудов (крест, ромб, многолучевые знаки) имеют явно солярную символику. В состав сопроводительного инвентаря входят также различного рода изделия из камня (наконечники стрел, топоры, тесла), бронзы (черешковые ножи, кольца, шилья, пронизки), кости (острия, игольники, мелкие украшения) и др. Особенностью некоторых погребений является большое количество предметов культового назначения (костяные пластинки и пестиковые фигурки с изображением женского лица; в одном случае вместе найдены луновидная подвеска, навершие жезла и ритон с зооморфными изображениями и т.д.). Интересен состав костей животных, найденных в погребальных сооружениях: непосредственно в погребениях обычно находятся кости диких животных (или изделия из костей диких животных); на площади курганов — кости домашних жертвенных животных, использованные при проведении погребальных ритуалов. Все это вместе взятое свидетельствует о высокой степени сакрализации общества, отраженной в материалах окуневской культуры.

Говорить о социальной структуре населения окуневской культуры можно только на основании косвенных данных. Судя по находкам предметов сопроводительного инвентаря, можно предполагать, что в некоторых погребениях похоронены люди, исполнявшие определенные ритуальные

(жреческие?) функции. Самое крупное сооружение окуневской культуры раскопано Л. Р. Кызласовым на р. Туим. Это был гигантский кромлех диаметром 82 м из поставленных вертикально гранитных камней-менгиров высотой от 0,6 до 1,2 м, посредине которого находилась земляная «пирамида» высотой до 3 м и ограда с перекрещивающимися «дорожками». В месте пересечения «дорожек» обнаружено погребение женщины в каменном ящике, стенки которого были украшены рисунками быков и хищников. К месту захоронения вел специальным образом оформленный «вход» из шести (по три с каждой стороны) вертикально стоящих камней. По своим планиграфическим особенностям сооружение на р. Туим относится к раннему уйбатскому этапу окуневской культуры. Кем была похороненная здесь женщина — великой «шаманкой», главой могущественного клана или, как это было во многих древних цивилизациях, соединяла в себе жреческие и властные функции, сказать трудно. Однако сам факт появления подобных сооружений на раннем этапе окуневской культуры говорит о достаточно сложной системе организации общества, в целом стоящего на более высокой ступени развития, чем афанасьевское.

Самая яркая составляющая окуневской культуры — это искусство, представленное разнообразными видами изобразительной деятельности: наскальные изображения и рисунки на каменных плитах (выбивка, гравировка, красочные изображения), статуарные памятники (знаменитые минусинские каменные изваяния) и предметы мелкой пластики (фигурки из кости, мягкого камня и т.д.). Столь же широк и «репертуар» окуневского искусства: сложные антропоморфные образы — личины с поперечной линией посередине лица и третьим глазом на лбу, украшенные бычьими рогами или сложными «коронами»; фигуры фантастических хищников с длинным высунутым языком и сложной солярной символикой; выполненные в различной стилистической манере изображения быков и др. Представленные по отдельности, в различных сочетаниях и многофигурных композициях они несомненно являются отражением сложной системы мифологических представлений, существовавших у населения окуневской культуры. Повторяемость некоторых сюжетов позволила определить содержание отдельных окуневских «мифов» («миф о тотеме и женщине-прародительнице», «миф о космической охоте», «миф о Солнечной повозке», «миф о Солнце и змеях»), в которых, по образному выражению М.Д. Хлобыстиной, чувствуется «дыхание древневосточных цивилизаций» (Хлобыстана, 1971, с. 166). В дальнейшем отдельные образы, стилистические и композиционные приемы, сложившиеся в рамках окуневской изобразительной традиции, «переживут» хронологические границы окуневской культуры и сыграют значительную роль в формировании скифо-сибирского звериного стиля.

Вопрос о происхождении окуневской культуры на Енисее очень сложен и окончательно не решен. В настоящее время можно уверенно говорить о ее двухкомпонентном составе. Первый компонент — местный, скорее всего неолитический (значительная роль охоты и рыболовства в хозяйственном комплексе и связанные с этим находки костяных и каменных орудий; монголоидная примесь в антропологическом типе населения; известные, правда, в небольшом количестве изображения лосей в характерном «ангарском» стиле; возможно, некоторые формы керамики и приемы ее орнаментации). Вполне вероятно, что это «лесное» население могло занять территории, освобожденные после исчезновения афанасьевской культуры. Второй компонент — явно пришлый, связанный с приходом новых групп населения с развитой скотоводческой экономикой (в целом европеоидный облик носителей окуневской культуры; многочисленные свидетельства развитого пастушеского скотоводства, в том числе кости домашних животных, найденные на стоянках и при раскопках погребальных сооружений; в изобразительном искусстве — рисунки быков с деталями упряжи, повозок с бычьими запряжками, различного рода солярных знаков и космологических образов, характерных только для обществ с развитой производящей экономикой). Мнения исследователей относительно происхождения этого пришлого компонента, прослеживаемого главным образом по памятникам изобразительного искусства, расходятся. В качестве возможных вариантов предлагались Передняя Азия, Малая Азия, Средняя Азия, горные районы Северной Индии, степное Причерноморье. Однако все это требует дальнейшей разработки и дополнительной аргументации. Ясно одно: в результате симбиоза местных и привнесенных культурных традиций в середине II тыс. до н.э. на Среднем Енисее сложилась своеобразная и яркая «сибирская цивилизация», влияние которой так или иначе испытали все окружающие племена (т.н. «окружение» окуневской культуры). Интересно, что границы этого «окружения» (от Байкала до Иртыша) в принципе совпадают с будущей зоной влияния культуры енисейских кыргызов, самого северного «форпоста» центральноазиатских государственных объединений.

Окуневская культура, как и другие культуры «доандроновской бронзы», была разрушена в начале XIII в. до н.э. пришедшими сюда андроновцами (федоровская культура или федоровский вариант андроновской культурной общности). По общему признанию специалистов, андроновцы — европеоиды, скотоводы, передвигавшиеся на колесницах, индоиранцы по своей языковой принадлежности. В настоящее время известно большое количество археологических памятников, маркирующих путь движения андроновцев на восток: по югу Западной Сибири, лесостепному Алтаю, через Мариинско-Ачинский «коридор» до Енисея, на север Минусинской котловины. Существовал и другой, южный путь движения андроновцев — через Тянь-Шань в

сторону Синьцзяна и западных провинций Китая, но он пока обозначен менее четко. На Енисее андроновцы столкнулись с племенами окуневской культуры и оттеснили их на юг. При этом часть окуневцев, по всей видимости, мигрировала на территорию Тувы и Северо-Западной Монголии, где следы их присутствия прослеживаются вплоть до скифского времени. Сами же андроновцы «освоили» только северные районы бассейна Среднего Енисея; на юге Минусинской котловины, несмотря на высокую степень археологической изученности этой территории, памятников андроновской культуры до сих пор не обнаружено. Общее количество андроновских погребений, по данным 1986 года, около 300 (включая детские захоронения). В настоящее время это количество существенно не увеличилось. В хозяйственном отношении андроновцы сочетали занятия пастушеским скотоводством и примитивным, скорее всего, пойменным земледелием, что в целом определило относительную стабильность населения. Охота и рыболовство играли вспомогательную роль. Такая комплексная экономика, более всего соответствующая физико-географическим условиям Минусинской котловины, станет впоследствии определяющей для населения тагарской культуры.

Погребальные памятники андроновской культуры — это круглые и квадратные ограды с одиночными или парными захоронениями. Обычно длина сторон (или диаметр) ограды составляет 5-10 м; однако известны и более крупные сооружения диаметром до 30 и более метров (могильник Сухое озеро 1). В погребениях андроновской культуры впервые появляется обряд трупосожжения, получивший впоследствии широкое распространение в такштыкской культуре и ставший господствующим в культуре енисейских кыргызов. Положение погребенных по обряду трупоположения довольно устойчиво — на левом боку с согнутыми ногами и сложенными перед лицом руками («андроновская поза»). Внутримогильные сооружения отличаются значительным разнообразием: каменные ящики, деревянные рамы или одновенцовые срубы, цисты или сооружения, сделанные в «смешанной» технике (сочетание каменного ящика и цисты). На стенках каменных ящиков иногда нанесены геометрические узоры «коврового» типа, возможно, имитирующие ковры (или циновки) на стенках реальных жилых построек. Других видов изобразительной деятельности, кроме орнаментальных композиций на керамике и на стенках каменных ящиков, у андроновцев, как и у афанасьевцев, не обнаружено. Разнообразие внутримогильных сооружений, своеобразный «биритуализм» погребального обряда (сочетание в одних и тех же комплексах трупосожжения и трупоположения), по всей видимости, можно рассматривать как отражение сложного происхождения населения андроновской культуры, обогащенного различными традициями при продвижении на Енисей.

Сопроводительный инвентарь из погребений андроновской культуры из-за отсутствия в нем, в силу каких-то обрядовых представлений, предметов вооружения, явно не отражает «вещный мир» оставившего их населения. Между тем именно в это время получают широкое распространение бронзовые предметы вооружения сейминско-турбинского типа, в первую очередь, наконечники копий, известные и по случайным находкам на Среднем Енисее. Вполне вероятно, что ими могли пользоваться и андроновцы. Основной инвентарь из погребений андроновской культуры составляют глиняные сосуды двух видов, условно называемые «горшки» и «банки», а также определенное количество сосудов «переходных форм». Сосуды баночной формы, очень просто орнаментированные, представляют собой обычную кухонную посуду. Так называемые «горшки» — это прекрасно сделанные из хорошо отмученной глины крупные сосуды тюльпановидной формы с очень сложным геометрическим орнаментом, состоящим из рядов треугольников, различным образом скомпонованных зигзагообразных линий, орнаментальных полос из меандровых фигур и солярных символов. Западные истоки подобной системы орнаментации, ранее не встречавшейся в Южной Сибири, не вызывают сомнения. Андроновские «горшки» или парадная утварь, по всей видимости не использовалась в быту, а изготовлялась специально для погребений. С этого времени изготовление специальной погребальной утвари входит в практику населения всех южносибирских культур. Афанасьевская, в одном из своих компонентов окуневская и особенно андроновская культуры, носители которых, возможно, продвигаясь по одним и тем же маршрутам, достигали Среднего Енисея, заложили основу устойчивых западных связей, характерных для населения Минусинской котловины и в последующие исторические эпохи.

В эпоху поздней бронзы с появлением карасукской культуры (XI-середина VIII в. до н.э.) активизировалось восточно-центральноазиатское направление культурных (а, скорее всего, культурно-генетических) связей минусинских племен. Термин "карасукская культура" после выделения ее С.А. Теплоуховым, получил более широкое значение, чем название одной из минусинских археологических культур — «карасукская эпоха», «карасукские бронзы» и др. На территории Минусинской котловины в настоящее время известны тысячи погребений карасукской культуры, достаточно однотипных и без четко выраженных признаков социальной дифференциации. Резко возросшее, по сравнению с андроновскими, количество погребений карасукской культуры, распространенных по всей территории Минусинской котловины, свидетельствует о притоке нового многочисленного населения, вступившего в сложные процессы взаимодействия с носителями прежних археологических культур.

С карасукской культурой связан целый ряд существенных инноваций, завершивших формирование скотоводческого комплекса на Енисее. Во-первых, это переход к яйлажному или отгонному скотоводству, о чем свидетельствует состав костей животных, найденных в погребальных памятниках и на поселениях — не только крупного рогатого скота, но и лошади, и главным образом овец, требующих именно такой формы выпаса. Начиная с этого времени, «мясную пищу», судя по находкам костей овцы или барана, стали класть в могилы непосредственно с погребенным, как бы подчеркивая этим неразрывную связь умершего человека с его предшествующим образом жизни.

Остатки «мясной пищи» (ребра, лопатки и длинные кости ног) встречаются и во всех кыргызских погребениях на Енисее. Во-вторых, это неоспоримые свидетельства использования верхового коня, а именно роговые псалии, найденные на поселениях кара-сукской культуры (Каменный Лог и Торгажак). Все псалии (а их уже найдено более 10) различной формы, что свидетельствует о поисках оптимальных конструктивных решений этой важнейшей детали конской упряжи. Появление верхового коня, несомненно, не только сыграло важнейшую роль в развитии хозяйственной деятельности, но и значительно активизировало и другие стороны общественной жизни — военные действия, товарообмен, общую мобильность населения и т.д. В-третьих, это расцвет металлургии бронзы. Многочисленные бронзовые изделия, главным образом, предметы вооружения — кинжалы, ножи и секиры, найденные в Монголии и северных провинциях Китая, — получили общее наименование «карасукских бронз». Навершия некоторых ножей и кинжалов украшены головками горных козлов и баранов, в стилистическом отношении очень близких ранним образцам скифо-сибирского стиля. В самих погребениях карасукской культуры на Енисее, в силу каких-то обрядовых причин или из-за очень высокой степени ограбленности могил такие находки встречаются исключительно редко; однако это не означает, что предметы вооружения типа «карасукских бронз» не использовались самими карасукцами.

Формирование карасукской культуры (или карасукской культурной общности), по всей видимости, имело достаточно сложный характер. В антропологическом типе карасукцев, как правило, смешанном, исследователи находят черты как дальневосточной, монголоидной расы, так и более западного европеоидного, памиро-ферганского типа. Ряд особенностей сближают отдельные группы населения карасукской культуры с предшествующими андроновцами и окуневцами. При этом на севере в большей степени проявляются андроновские черты, а на юге — окуневские, что соответствует общему направлению культурно-исторических процессов, когда андроновцы, занявшие северные районы Минусинской котловины, оттеснили окуневцев на

юг. Из многочисленных теорий происхождения карасукской культуры наиболее аргументирована точка зрения Э.А. Новгородовой, считающей, что местом исхода населения карасукской культуры были северные районы Монголии, где, по-видимому, находился центр производства карасукских бронз». Отсюда карасукцы двигались несколькими волнами: часть их проникла на север Минусинской котловины, где смешалась с поздними андроновцами; часть освоила южные районы Минусинской котловины, где заимствовала некоторые элементы окуневской культуры; наконец, какие-то группы мигрировали на восток, в сторону западных и северных провинций Китая, откуда также происходит большое количество бронзовых изделий «карасукского типа». Именно это последнее направление расселения карасукцев обусловило центрально-восточноазиатские связи населения Минусинской котловины, которые, наряду с традиционными западными, с этого времени становятся определяющими. Однако и такая внешне убедительная реконструкция событий может быть принята только в самых общих чертах, так как анализ археологических материалов рисует близкую, но не совсем адекватную картину.

Как можно сейчас считать установленным, под понятием карасукская культура скрываются два, по сути дела, различных культурных комплекса. Один из них может быть назван собственно карасукским; другой был выделен М.П. Грязновым как «каменноложский этап» карасукской культуры, а Н. Л. Членовой — как самостоятельная, отдельная от карасукской лугавская культура. Четкого территориального разграничения между этими двумя группами памятников нет, хотя наблюдается определенная тенденция «стяжения» собственно карасукских могильников к степным районам, а каменноложских (или лугавских) — к предгорным.

Погребения собственно карасукской культуры — это многочисленные захоронения в каменных ящиках из тонких плит девонского песчаника, расположенные очень близко к поверхности и заключенные в квадратные ограды с пристройками, часто сливающимися сторонами друг с другом. Положение погребенных на спине или вполоборота на левом боку, головой на северо-восток. Металлические изделия представлены в основном мелкими украшениями, в типологическом отношении близкими к андроновским. Наиболее характерный вид керамики — небольшие сферические сосуды с лощеной поверхностью, украшенные геометрическим орнаментом в виде заштрихованных треугольников, фестонов, зигзагообразных линий и ромбов. Отдельно выделяются наиболее эффектные сосуды с черной лощеной поверхностью и орнаментом, заполненным белой пастой. Несмотря на явное отличие (по форме сосудов) карасукской керамики от андроновской, многие мотивы орнамента на карасукской посуде также сопоставимы с андроновскими. Вместе с тем в формировании карасукской культуры на юге Минусинской

котловины определенную роль сыграли и традиции окуневской культуры. Лучше всего это видно по материалам карасукского поселения Торгажак, где было найдено большое количество галек с различного рода гравировками. Значительная часть из них представляет собой изображения женщин в богато декорированных одеждах, стилистическое исполнение которых выполнено в русле окуневской изобразительной традиции. Здесь же, в одной из специально выделенных «ниш» был найден каменный блок (или обработанный фрагмент изваяния) окуневского типа, явно пользовавшийся особым почитанием у обитателей Торгажака.

Погребения каменноложского этапа (или лугавской культуры) — это небольшие могильники, состоящие из расположенных «цепочками» оград квадратной формы. По углам ограды иногда установлены более крупные камни — конструктивная деталь, в дальнейшем определившая своеобразие внешнего облика всех минусинских курганов, вплоть до каменных стел, установленных у кыргызских чаа-тасов. Захоронения совершены в сравнительно глубоких могильных ямах, на дне которых находились каменные ящики или деревянные срубы. Положение погребенных — на спине, головой на запад, юго-запад. Керамика совершенно отлична от карасукской. Это округлодонные крупные сероглиняные сосуды, по внешнему виду чем-то напоминающие афанасьевские. Орнамент чаще всего в виде простых наклонных линий или косой «сетки», нанесен только на венчике сосуда. Встречаются и плоскодонные баночные сосуды, а также сосуды на поддоне, типологически предшествующие тагарским. Именно с погребениями этого типа (а не собственно карасукскими) связаны большинство находок «карасукских бронз»: коленчатые ножи, браслеты, так называемые «пряжки колесничего», лапчатые подвески, шестилепестковые массивные бляхи и др. Скорее всего, в этом же контексте следует рассматривать и наскальные изображения, выполненные в так называемом «карасукском стиле», известные как в Минусинской котловине, так и в Монголии.

Даже такое поверхностное сопоставление двух рассматриваемых групп памятников показывает, что они отражают разные культурные традиции, одна из которых (собственно карасукская) больше связана с андроновской и, возможно, окуневской; другая (каменноложская или лугавская), скорее всего пришедшая из более южных районов Центральной Азии, хотя точное место исхода этого населения, как и во всех предыдущих случаях, остается неизвестным. С носителями этой (каменноложской) традиции на Енисей попадают «карасукские бронзы», которые затем, возможно, заимствуются карасукцами. Таким образом, рубеж II и I тыс. до н.э. был переломным для населения Минусинской котловины не только в хронологическом, но и в историко-культурном отношении. Впервые здесь объединились (или пришли

во взаимодействие) сферы влияния двух культурных миров: западного, связанного, в первую очередь, с наследованием андроновской традиции; и восточного, точнее — центральноазиатского, связанного с формированием раннекочевнических культур.

На этой основе в середине VIII в. до н.э. складывается тагарская культура. Первоначально она была выделена С.А. Теплоуховым под наименованием «минусинская курганная культура» — название достаточно точное (именно курганы этой культуры с их земляными насыпями и вертикально установленными камнями составляют неотъемлемую часть исторического ландшафта Минусинской котловины), но неудобное и впоследствии замененное С.В. Киселевым на более лаконичное — тагарская культура (по первым раскопкам на острове Тагарском около г. Минусинска). Тагарская культура — одна из культур скифского типа, включающая в себя основные характерные элементы так называемой «скифской триады» (определенные виды предметов вооружения, снаряжения верхового коня и скифо-сибирский звериный стиль), но в то же время, в силу специфических условий Минусинской котловины, отличающаяся более устойчивой комплексной экономикой, большей стабильностью общества и длительным сохранением культурных традиций. Памятники тагарской культуры четко локализованы в пределах Минусинской котловины и юга Красноярского края и распространяются только на северо-запад, в пределы соседней Кузнецкой котловины (так называемая «лесостепная тагарская культура»).

Общая протяженность существования тагарской культуры охватывает около семи веков — приблизительно от середины VIII в. до н.э. до середины I в. до н.э. Имеющиеся периодизации тагарской культуры, несмотря на различные наименования выделенных этапов (четыре этапа минусинской курганной культуры, по С.А. Теплоухову; три стадии тагарской культуры, по С.В. Киселеву; баиновский, под-горновский, сарагашенский и тесинский этапы, по М.П. Грязнову) существенно не отличаются друг от друга. Все они одинаково демонстрируют эволюционное развитие культуры, охватывающей, как и принято в исторической периодизации, три последовательных периода: начала, расцвета и упадка. Пользуясь периодизацией М.П. Грязнова, будем называть их подгорновским, сарагашенским и тесинским этапами развития тагарской культуры.

Вопрос о происхождении тагарской культуры не имеет однозначного решения. Ясно, что она аккумулировала многие компоненты, воспринятые от предшествующих культур. Из них наиболее ощутим каменоложский (или лугавский): квадратные ограды с высокими камнями по углам, захоронения в деревянных рамах и одновенцовых срубках, вытянутое положение погребенных, баночная форма керамики и некоторые приемы ее орнаментации,

отдельные виды бронзовых изделий — ножей, зеркал, украшений и т. д. В свое время на основании этих признаков происхождение тагарской культуры непосредственно связывалось с карасукской (баиновский этап, по периодизации М.П. Грязнова); однако такое чисто эволюционное развитие не объясняет всего многообразия татарского культурного комплекса. Высказывались также предположения о связи тагарской культуры с андроновской; о приходе в это время в Минусинскую котловину новых групп населения — саков с территории Казахстана или большекочевенской культуры с Верхней Оби, но все это требует дополнительных доказательств. По-видимому, основное значение в решении данной проблемы могут иметь антропологические материалы. Тагарцы — европеоиды. По данным антрополога А.Г. Козинцева, «по сумме признаков тагарская группа ближе всего к афанасьевской суммарной серии из Минусинской котловины и с Алтая, к андроновцам (суммарная серия из восточного, Северного и Центрального Казахстана), к атипичным карасукцам (т.е. каменоложцам — Д.С.) и к алайским сакам» (Козинцев, 1977, с. 67). Две из сравнительных серий / (афанасьевская и каменоложская) могут считаться местными, две (андроновская из Казахстана и алайские саки) — пришлыми. Вполне вероятно, что такое распределение отражает реальный состав населения, участвовавшего в сложении тагарской культуры на Енисее.

Памятники тагарской культуры представлены многочисленными курганными могильниками; отдельными, чаще всего плохо сохранившимися поселениями; оросительными каналами и остатками производственных мастерских; рисунками на курганных плитах и наскальными изображениями. Общее число погребальных сооружений или курганов тагарской культуры, в значительной степени распаханных, разрушенных или ограбленных, не поддается учету. Количество раскопанных курганов, по данным 1986 года: подгорновского этапа — более 435; сарагашенского этапа — около 200. В настоящее время это число значительно увеличилось. Более 1500 (!) могильников подгорновского этапа зафиксировано археологическими разведками (Вадецкая, 1986, с. 79-80). Такая концентрация памятников свидетельствует о чрезвычайной плотности населения, проживавшего на территории Среднего Енисея в скифское время и, скорее всего, образовывавшего мощный союз (племен со своеобразной и яркой культурой.

С.А. Теплоухов первым отметил и выделил в качестве хронологического признака количество вертикально установленных плит в оградах минусинской курганной (тагарской) культуры. В курганах подгорновского этапа — 4 (по углам ограды) или 6 (по углам ограды и посередине длинных сторон); в курганах сарагашенского этапа — 8, 10, 12 и более угловых и простеночных камней; в больших курганах тесинского этапа — до 20-30 столообразных плит, установленных с равными промежутками вдоль стен окружающей

ограды. Дальнейшее развитие этой традиции отражают высокие каменные стелы, установленные четырехугольником в кыргызских чаа-тасах. Начиная от невысоких угловых камней в оградах курганов каменоложского этапа до этих стел, достигающих высоты 3-х и более метров, в местах погребений енисейских кыргызов, протягивается «сквозная» линия развития единого архитектурного принципа оформления надмогильных сооружений, свидетельствующая о преемственности мировоззрения, общих представлений о сакрализованном пространстве и т. д. В этом же хронологическом диапазоне, с большей или меньшей степенью интенсивности проявляется обычай нанесения на курганных плитах различного рода изображений, вероятно, каким-то образом «участвовавших» в обряде. Таким образом, татарская культура, наиболее стабильная из всех археологических культур Минусинской котловины, с одной стороны, аккумулировала и развивала предшествующие традиции; с другой, являлась своеобразным «ретранслятором» их в последующие исторические эпохи.

Погребения раннего, подгорновского этапа тагарской культуры расположены под невысокими (до 1, но не более 1,5 м) земляными насыпями с квадратной или прямоугольной оградой, с длиной сторон от 6 до Юм. Общее количество вертикально установленных камней — 4 или 6 (в редких случаях 8). Иногда несколько оград пристраивались друг к другу; соответственно увеличивалось и количество угловых и простеночных камней. На площади курганов в ряд располагались несколько могил с деревянным или каменным покрытием. На дне могильной ямы помещался каменный (ящик или деревянная рама, укрепленная по стенкам каменными плитками). Погребения одиночные или парные, иногда с последующими подхоронениями. Сопроводительный инвентарь включает в себя преимущественно крупные глиняные сосуды баночной формы, украшенные по венчику несколькими желобками; полномасштабные бронзовые изделия: кинжалы, боевые чеканы, ножи, втоки, дисковидные зеркала, шилья; детали костюма и многочисленные украшения. Произведения звериного стиля в погребениях подгорновского этапа встречаются редко; в их моделировке еще ощущается влияние «кара-сукских бронз». Известно несколько так называемых «курганов знати» — больших размеров, с длиной стороны ограды до 30 м и специально оформленным «входом» (улус Полтаков, Узун-Оба, Тигей), но во всем остальном они мало отличаются от обычных подгорновских погребений.

На рубеже VI-V вв. до н.э. в традиционной культуре тагарских племен происходят существенные изменения, обусловившие переход к следующему, сарагашенскому этапу. Н.Л. Членова первая отметила это явление, выделив «алтайский» стиль в искусстве тагарских племен (Членова, 1967, с. 135-144). Однако ясно, что происшедшие изменения коснулись и других сторон

тагарской культуры: каменные конструкции в погребениях целиком заменяются деревянными, появляются золотые изделия, широкое распространение получают изображения лежащего оленя (т. н. «оленные бляхи»), ранее не встречавшиеся в погребениях подгорновского этапа. Объясняется ли это возросшим влиянием со стороны соседнего Горного Алтая, или отражает общие культурные трансформации, происходившие в степной полосе Евразии на рубеже раннескифского и скифского времени — сказать трудно. Во всяком случае памятники сарагашенского этапа, будучи генетически связанными с подгорновскими, представляют уже несколько иной облик тагарской культуры.

Курганы сарагашенского этапа, обычно не образующие крупных могильников, по величине значительно превышают подгорновские: земляные насыпи достигают высоты 2-3 и более метров, ограды сделаны из массивных каменных плит, увеличивается количество простеночных камней. Посередине площади кургана чаще всего находится одна, реже две обширные могильные ямы, на дне которых помещаются деревянные срубы с перекрытием из бревен и бересты. Погребения коллективные — до 10-15 человек в одном срубе; при этом выделяются захоронения социально зависимых лиц, находящиеся обычно за стенками сруба. Набор предметов сопроводительного инвентаря тот же, но бронзовые изделия (кинжалы, ножи и чеканы) чаще всего меньших размеров (вотивные). Более разнообразной по формам становится керамика; часто встречаются сосуды на поддонах и котловидные сосуды; на сосудах баночной формы увеличивается число желобков-каннелюров. Появляются новые виды бронзовых изделий: колоколовидные навершия и «факельницы» с фигурками горных козлов, многочисленные оленные бляхи, коромыслообразные предметы с головками животных на концах, внешне напоминающие «пряжки колесничего», ножи с зооморфными навершиями и др. В целом сарагашенский предметный комплекс значительно богаче подгорновского.

В социальном отношении выделяется группа больших или «царских» курганов. Один из них — раскопанный С.В. Киселевым знаменитый курган Салбык. Высота насыпи этого кургана составляла 11 м, длина стороны ограды из массивных каменных плит 70 м, высота угловых и простеночных камней 5-6 м, а вес каждого из них достигал 50 т. К сожалению, погребение было полностью ограблено, но грандиозный характер этого сооружения не оставляет сомнения в принадлежности его особе высшего ранга в социальной (династийной?) иерархии тагарского общества. Здесь же, в Салбыкской долине, известно еще пять таких же курганов, но несколько меньших размеров — высотой 7-9 м, еще не раскопанных. Очевидно, что вторая половина IV в. до н.э. — время сооружения подобных курганов — была периодом наивысшего расцвета тагарской культуры.

К III в. до н.э., выделяемому некоторыми исследователями в качестве самостоятельного (лепешкинского) этапа, относится уже значительно меньшее количество памятников. Увеличивается число погребенных в коллективных захоронениях. Появляется обычай сожжения погребальной камеры; иногда встречаются следы глиняной обмазки на черепаках — предвестник тесинских и таштыкских глиняных масок. Продолжается процесс вотивизации предметов сопроводительного инвентаря и появляются настоящие «миниатюры» — упрощенные копии бронзовых оригиналов, никогда не бывшие в употреблении и изготовленные специально для погребений. Исчезают золотые изделия и происходит общая схематизация изображений звериного стиля. Все это вместе свидетельствует о внутренних эволюционных процессах, происходивших в тагарской культуре, подготовивших переход к следующему, тесинскому этапу.

Памятники II-I вв. до н.э. (или тесинского этапа) рассматриваются исследователями по-разному: как последующий этап развития тагарской культуры (М.П. Грязнов, М.Н. Пшеницына), третья «переходная стадия» тагарской культуры (С.В. Киселев), «переходный тагаро-таштыкский этап» (Л.Р. Кызласов), как ранний этап таштыкской культуры (Н.Л. Членова). Причина указанных расхождений заключается, прежде всего, в разнообразии видов погребальных сооружений, существовавших в одно и то же время, но отражающих различную культурную традицию.

Большие одиночные курганы с оградами, вертикально поставленными камнями и коллективными захоронениями в деревянных камерах-срубках (их известно всего около 10; по одному из них — Большому Тесинскому кургану, раскопанному еще в конце XIX в. — было дано название тесинского этапа) явно связаны с сарагашенскими и представляют дальнейшее развитие тагарской традиции. Верхняя дата этих памятников вряд ли может выходить за пределы I в. до н.э. Основная отличительная особенность больших тесинских курганов — огромное количество погребенных (до 200 и более; в одном случае около 300) в одной могильной яме. Совершенно очевидно, что эти захоронения производились не одновременно, а сами курганы подобного типа представляли собой долгодействующие склепы. По сути дела, каждый такой курган как бы заменяет собой целый могильник, раньше состоящий из многих сооружений, а теперь сконцентрированный в одном месте, под одной курганной насыпью. Причины этого могут быть различными, в том числе и сокращение родовых территорий, вынужденное смещение традиционных мест для сооружения кладбищ. По-прежнему встречаются случаи сожжения погребальной камеры; широкое распространение получает обычай искусственной мумификации трупов и изготовления «манекенов» с глиняными масками. Несомненно, что до погребения они хранились в каких-то специ-

ально отведенных для этого местах, где производились соответствующие обрядовые церемонии. Вполне возможно, что изображение такого «поселка мертвых» представлено на известной Боярской писанице, относящейся приблизительно в этому же времени. Инвентарь из больших курганов-склепов беден и состоит в основном из сосудов баночной формы, чаще всего не орнаментированных, и бронзовых вотивных изделий, чисто формально воспроизводящих прежние тагарские формы.

Другой вид памятников, существующих в это же время — это т. н. «грунтовые могильники», включающие многочисленные погребения в каменных ящиках, деревянных рамах, грунтовых ямах под каменными выкладками; неоднократно зафиксированы случаи последовательных захоронений в одних и тех же ящиках, впускные погребения и т. д. Всего таких курганов-«кладбищ», каждое из которых насчитывает многие десятки могил, известно около 30. Положение погребенных разнообразно: вытянуто, на боку, с поднятыми вверх коленями (прежняя «окуневская поза»). Столь же неустойчива ориентировка погребенных. Среди погребенных в тесинских грунтовых могилах встречаются представители центральноазиатского антропологического типа. В комплексе предметов сопроводительного инвентаря в основном представлены железные вещи, ранее не встречавшиеся в памятниках тагарской культуры: кольчатые ножи, пряжки, наконечники стрел и др.; сравнительно много изделий из кости. Состав керамики более традиционен: в основном это неорнаментированные сосуды баночной формы; встречаются и новые виды сосудов — кувшинообразные с арочным орнаментом, плоские «блюда» с перегородкой, небольшие сосудики многогранной формы и др. Бронзовые предметы, в том числе и художественные изделия (ажурные пряжки, кольца, ложечковидные застёжки и др.) представляют не прежние тагарские формы, а имеют ближайшие аналогии в материалах хуннских погребений из Монголии и Забайкалья. В двух случаях (Тепсей VII и курган «Ближний») найдены китайские монеты *у-шу*, первый выпуск которых относится к 118 г. до н. э., что определяет *terminus post quem* для погребений подобного типа. Время их существования с наибольшей вероятностью определяется концом II в. до н. э. — I в. н. э. В социальном отношении тесинские «грунтовые могильники» мало дифференцированы, но известны и несколько явно привилегированных, «богатых» захоронений (Тепсей VII, Каменка V), отличающихся деталями погребального обряда и большим количеством импортных изделий.

Археологические материалы тесинского этапа позволяют представить этнокультурную ситуацию, сложившуюся на Среднем Енисее в конце I тыс. до н. э.: завершение тагарской культуры, вызванное, очевидно, как внешними, так и внутренними причинами; появление нового населения, хорошо знакомого с хуннской культурной традицией, приток которого, судя по количеству

«грунтовых могильников», был достаточно велик; включение Южной Сибири в сферу культурного влияния государства Хунну, явившееся на новом историческом витке продолжением центрально-восточноазиатских связей, заложенных еще в карасукскую эпоху. Собственно хуннских погребений на территории Минусинской котловины не обнаружено, но одним из наиболее ярких индикаторов их незримого присутствия здесь являются бронзовые поясные ажурные пластины, известные как по материалам тесинских погребений (Тепсей VII), так и по многочисленным случайным находкам, а также в составе кладов, найденных на севере области. В наиболее крупном из них (Косогольском кладе) содержится около 200 бронзовых изделий, в том числе и несколько поясных ажурных пластин хуннского типа. Судя по количеству и социальной значимости этих находок, можно предполагать, что территория Минусинской котловины входила в сферу не только культурного, но и политического влияния Хунну.

События этого времени нашли отражение и в письменных источниках, когда появляются первые этнонимы, имеющие уже непосредственное отношение к началу этнической истории енисейских кыргызов. Отправным моментом здесь является указание китайской хроники *Синь Таншу* о том, что «Хагас (т.е. кыргызы — Д.С.) есть древнее государство Гяньгунь... Жители перемешались с динлинами» (Бичурин, 1950, с. 350-351). В истории государства Хунну известны два события, при которых совместно упоминаются динлины и гяньгуни. Первое, когда в 201 г. до н.э. основатель хуннского племенного союза шаньюй Мао-дунь покорил на севере несколько народов, в том числе динлинов и гяньгуней. Второе, когда в 49 г. до н.э., уже после распада Хунну на северных и южных хуннов, предводитель северных хуннов Чжичжи шаньюй вновь разбил динлинов и гяньгуней. При этом указывается, что земли гяньгуней «находились на расстоянии 7 тыс. ли западнее ставки шаньюя (на р. Толе в Монголии? — Д.С.) и на расстоянии 5 тыс. ли севернее владения Чэши (Турфанский оазис в Восточном Туркестане — Д.С.). В них Чжичжи и остался жить» (Таскин, 1973, с. 37). К сожалению, этих первых сведений по этногеографии севера Центральной Азии недостаточно для того, чтобы точно определить места проживания динлинов и гяньгуней — двух основных «участников» раннего этапа этнической истории кыргызов. Исторические реконструкции, главным образом основанные на приведенных сведениях письменных источников, расходятся.

«Голубоглазые и рыжеволосые» динлины чаще всего связываются с европейским населением тагарской культуры, что даже вызвало появление такого условного наименования, как «тагарские динлины». Однако бесспорных оснований для такой идентификации нет. Известно, что динлины, первые сведения о которых относятся к IV-III вв. до н.э., занимали очень широкую

территорию по северной периферии хуннских владений и были кочевниками-скотоводами. В состав динлинов могли входить и племена тагарской культуры, но область расселения динлинов не ограничивалась Минусинской котловиной. Что касается гяньгуней, то, видимо, не вызывает сомнения лишь то, что они обитали южнее динлинов. При этом принципиальное значение имеет исследование С.Е. Яхонтова, установившего, что названия гэгунь, гяньгунь, кигу, цигу, гегу, хэгунь, хягасы представляют собой разновременные фонетические варианты одного этнонима — кыргызы (Яхонтов, 1970). О месте первоначального расселения гянь-гуней-кыргызов также нет единой точки зрения. Географические координаты относительно нахождения ставки Чжичжи шаньюя позволили В. В. Бартольд предположить, что «кыргызы тогда жили не только на Енисее, но и южнее, в той местности, где теперь озеро Киргиз-нор» (Бартольд, 1963, с. 477), то есть в Северо-Западной Монголии. На этом предположении в значительной степени основана высказанная С.В. Киселевым и развернутая Л.Р. Кызласовым гипотеза о двухэтапном проникновении (при Маодуне и при Чжичжи шаньюе) тюркоязычных гяньгуней на север, в Минусинскую котловину, где произошло их смешение с племенами тагарской культуры, что и положило начало сложению кыргызского этноса. В подтверждение монгольской «прародины» гяньгуней приводятся и некоторые археологические данные, но, судя по всему, они относятся к более позднему времени. На основании тех же сведений письменных источников Л.А. Боровкова локализовала владение Гяньгунь значительно западнее, в северных предгорьях Тянь шаня и южнее оз. Алаколь (Боровкова, 1989, с. 61-62). На этом в значительной степени основывается гипотеза Ю.С. Худякова о проживании гяньгуней, начиная с хуннского времени, в Восточном Туркестане, где они перемешались с западной ветвью телеских племен (гаоцзюйскими динлинами) и были переселены отсюда на Енисей уже в виде сложившейся общности в период господства жуаньжуаней, в V - первой половине VI в. н.э. (Худяков, 2001). К сожалению, и эта интересная гипотеза лишена какого-либо археологического обоснования. Таким образом, вопрос о первоначальной локализации гяньгуней также пока остается открытым.

Обращаясь к археологическим материалам, следует подчеркнуть, что длительные процессы культуругенеза, происходившие на территории Минусинской котловины, к этому времени уже, очевидно, подошли к своему завершению. Некоторые «сквозные» элементы культурных традиций впоследствии вошли в культуру енисейских кыргызов. Вместе с тем, не менее важным представляется обоснованный как археологическими, так и письменными источниками вывод о том, что начало этнической истории енисейских кыргызов так или иначе было связано с этнокультурными

процессами, происходившими на территории государства Хунну. С этой точки зрения, помимо военных походов хуннских шаньюев, по-видимому, определяющее значение имеют события хуннской истории, свидетельствующие о постепенном сокращении границ государства Хунну: от оттеснения их из оазисов Восточного Туркестана и потери Ордоса до перенесения около 120 г. до н.э. политического центра всего объединения в Северную Монголию, после чего «к югу от пустыни (Гоби — Д.С.) уже не было ставки их правителя» (Таскин, 1968, с. 55). Такое смещение на север границ хуннских владений безусловно должно было активизировать взаимоотношения хуннов с соседними южносибирскими племенами. Именно к этому времени, а не раньше, должны относиться хуннские художественные бронзы, найденные в большом количестве в Минусинской котловине; китайские монеты *у-шю*, время первого выпуска которых (118г. до н.э.) фактически совпадает с перенесением ставки хуннских шаньюев на север; а также появление на Среднем Енисее новых групп населения, хорошо знакомых с хуннской культурной традицией. Вполне возможно, что среди них могли находиться и гяньгуни письменных источников, хотя точное место их первоначального расселения остается неопределенным. Замечательным памятником симбиоза китайских и среднеазиатских традиций, которые хунну могли заимствовать как в результате тесных связей с Ханьской династией Китая, так и во время пребывания в Восточном Туркестане, является дворец "гуннского правителя" на р. Ташебе около г. Абакана. Независимо от его интерпретации — как ставки хуннского наместника, взятого хуннами в плен в 99 г. до н.э. китайского полководца Ли Лина (С.В. Киселев, Л.Р. Кызласов); или как дворца китайской принцессы Имо, датированного по надписям на кровельной черепице 9-23 гг. н.э. (С.И. Вайнштейн, М.В. Крюков) — дворцовый комплекс на р. Ташебе представляет собой наиболее яркое свидетельство включения местных племен в социальную структуру хуннского этнополитического объединения. Немногочисленные вещи, найденные при раскопках дворца — хуннские (керамика с каннелированной поверхностью и когтевидная подвеска из нефрита) или тесинские (нож с кольчатым навершием, бронзовая пряжка с выступающим язычком). Немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что на месте дворца, уже после разрушения, было сделано таштыкское кладбище, что позволяет рассматривать его в ряду других памятников тесинского этапа. Период зависимости от хуннского влияния должен был закончиться в середине II в. н.э., когда предводитель сяньбийцев Таньшихуай «овладел всеми землями, бывшими под державою хуннов» (Бичурин, 1950, с. 156). Отдельные вещи сяньбийского происхождения, найденные во впускных таштыкских могилах кургана Салбык, позволяют предполагать, что эти события коснулись и населения Минусинской котловины.

Со временем господства сянбийцев и жуань-жуаней в Центральной Азии (II - середина VI в. н.э.) может быть синхронизирована таштыкская культура на Енисее, выделенная первоначально С.А. Теплоуховым как «таштыкский переходный этап». Памятники таштыкской культуры представлены двумя основными видами погребений — в грунтовых могильниках и склепах, мнения исследователей о хронологическом соотношении которых расходятся. Одни считают их одновременными; другие, начиная с С. А. Теплоухова, относят грунтовые могилы к более раннему времени, а склепы — к более позднему. По данным 1986 года, было раскопано 55 склепов и около 400 грунтовых могил (сейчас известно несколько больше). По периодизации М.П. Грязнова, грунтовые могилы (батеневский этап) датируются I-II вв. н.э.; склепы (тепсейский этап) — III-V вв. н.э. С некоторым «омоложением» каждого этапа эту периодизацию можно принять. «И по форме и по орнаменту керамика батеневского этапа, — отмечает М.П. Грязнов, — очень близка к керамике предшествующего тесинского этапа и генетически с нею связана», в то время как «в памятниках тепсейского этапа аналогии с тесинскими уже не наблюдаются» (Грязнов, 1971, с. 96-99). Однако и в этом случае состав таштыкской культуры оказывается достаточно сложным: разные виды погребальных сооружений сосуществовали в различное время.

К началу таштыкской культуры полностью исчезают погребения в каменных ящиках и грунтовые захоронения с каменными конструкциями тесинского этапа, что свидетельствует об ассимиляции их создателей в среде местного населения. Исчезают и большие одиночные курганы-склепы позднего этапа татарской культуры. Основным видом погребений становятся захоронения в неглубоких ямах с квадратными или прямоугольными срубами, генетически связанные с одним из видов погребений тесинских грунтовых могильников. В них по-прежнему сочетаются обряды трупосожжения и трупоположения (традиция, восходящая еще к андроновской древности), только теперь кремированные остатки погребенных помещаются в специально сделанных мешочках, куклах-манекенах, иногда с глиняными масками. Сопроводительный инвентарь из этих погребений сравнительно беден; в отличие от тесинских могил, в них ни разу не были найдены вещи, связанные с хуннской культурной традицией. Как долго существуют такие погребения, сказать трудно.

Начиная с III в. н.э. население с обрядом трупосожжения занимает господствующее положение в Минусинской котловине. Основным видом погребений становятся склепы с большим количеством погребенных, что само по себе свидетельствует о возрождении прежних тагарских традиций. Таштыкские склепы — это большие, почти квадратные в плане неглубокие

котлованы, размером до 100 кв. м, окруженные стеной из горизонтально положенных плит, со специально оформленным входом-дромосом и деревянным перекрытием. По своим размерам и сложности конструкции таштыкские склепы делятся на «большие» и «малые» склепы; в количественном отношении их распределение приблизительно одинаково. Внутри склепов находились остатки многочисленных трупосожжений, покрытые «портретными» погребальными масками и бюстами. Поражает точность передачи и разнообразие лиц, запечатленных в этих масках: типичных европеоидов, монголоидов, представителей различным образом смешанных антропологических типов. Если проводить какие-либо аналогии, то скорее всего именно к этому времени должно относиться то «смещение» гянгуней и динлинов, на которое указывают письменные источники. Процессы изготовления этих масок, проведения соответствующих обрядов, последующего сожжения и погребения должны были занять определенное количество времени. Вероятно, то же самое было у енисейских кыргызов. Как сообщают письменные источники, кыргызы «обвертывают тело покойника в три ряда и плачут; а потом сжигают его, собранные же кости чрез год погребают» (Бичурин, 1950, с. 353).

Сопроводительный инвентарь таштыкских склепов состоит в основном из многочисленных и разнообразных по формам и приемам орнаментации глиняных сосудов, различного рода украшений, бронзовых деталей поясных наборов, votивных железных предметов (колчаные крюки, витые цепочки для крепления ножен, удила, ножи, в одном случае найдена модель петельчатого стремени). Несмотря на различия в размерах и отдельных конструктивных деталях, таштыкские склепы, несомненно, представляют однокультурный вид памятников, свидетельствующий о достаточно высоком уровне развития оставившего их населения. Особого внимания заслуживают некоторые элементы таштыкского культурного комплекса, сохраняющиеся потом в культуре енисейских кыргызов: обряд трупосожжения, господствовавший в той и другой культуре; обычай обставлять стенки могильной ямы вертикальными столбиками и помещать в погребения фигурки животных; некоторые сходные формы керамики и своеобразные украшения — амулеты с обращенными в разные стороны головками лошадей, найденные как в таштыкских, так и в кыргызских погребениях. Количество таких «переходных элементов в целом достаточно велико и вряд ли может объясняться случайностью «попадания». Нет никакого сомнения, что в данном случае речь о преемственности кыргызской культуры (или ее части) от таштыкской.

Замечательным источником по истории и культуре таштыкских племен являются деревянные планки с многофигурными композициями, найденные в таштыкских склепах у г. Тепсей. Среди многочисленных представленных

здесь сюжетов (охоты, угона лошадей, бычьих запряжек и др.) следует выделить батальные сцены. В одном случае это столкновение таштыкцев, которых можно узнать по характерным прическам с костяными булавками, одетых в легкие кафтаны и вооруженных сложными луками, с чужеземцами, приплывшими на лодке, очевидно, с верховьев какой-то реки, в подпоясанной, видимо, глухой одежде и плоских головных уборах (из бересты?), вооруженных простыми луками; в другом — изображения «рыцарей» в шлемах и пластинчатых доспехах, также вооруженных сложными луками; несколько фигур таких «рыцарей» показаны поверженными. Ясно, что на тепсейских пластинах показаны люди различной этнической принадлежности, что полностью соответствует сложному характеру образования таштыкской культуры. С этого времени мифологическое содержание древних памятников изобразительного искусства на Енисее сменяется новым, повествовательным. Несомненно, эта традиция оказала определенное влияние на формирование искусства енисейских кыргызов, наиболее ярким памятником которого является знаменитая Сулукская писаница.

Вместе с тем, в материалах таштыкских склепов представлен и ряд восточноазиатских элементов: погребальные статуэтки животных, церемониальные зонты или фрагменты моделей повозок, сохранившиеся головки и руки возничих, обломки ханьских зеркал, имеющие аналогии в погребениях Ханьской династии Китая и, скорее всего, проникшие на Енисей уже после ее падения (220 г. н.э.). Можно предполагать, что и характерные особенности т. н. «таштыкского стиля» являются производными от художественных приемов оформления каменных барельефов с изображением погребальных процессий из Ханьских гробниц. Все это вместе взятое позволяет говорить не только о многокомпонентности культуры таштыкских склепов, но и об интенсивных процессах социального развития общества по пути этнической интеграции различных групп населения в новую форму этносоциального объединения, центр которого, по Л. Р. Кызласову, находился на левобережье Енисея, в Уйбатской степи.

Название этого объединения — Цигу — сохранилось в древнетюркских генеалогических преданиях. Согласно исследованию С.Е. Яхонтова, Цигу (или Кигу) — одна из ранних фонетических транскрипций этнонима «кыргызы», относящаяся ко времени до 700 г. н.э. (Яхонтова, 1970, с 114). В одной из древнетюркских генеалогических легенд, записанной в династийной хронике *Чжоу шу*, рассказывается, что прародитель древних тюрков Ичжинишиду, названный «сыном волчицы», имел несколько сыновей, каждый из которых получил во владение свое наместничество. Один из них, Нодулу шад, стал родоначальником древнетюркской правящей династии; другой «царствовал между реками Афу и Гянь под наименованием Цигу»

(Бичурин, 1950, с. 222). Наиболее подробно расследовавший древнетюркские генеалогические предания С.Г. Кляшторный отметил «имеющуюся в них реалистическую основу, историографическая ценность которой в настоящее время кажется несомненной» (Кляшторный, 1965, с. 278). Указанные в легенде географические наименования «Афу» и «Гянь» большинством исследователей отождествляются с названиями рек Абакан и Енисей, в междуречье которых находилось древнетюркское владение Цигу. По времени своего существования (после переселения тюрков Ашина на Алтай в 460 г.) и месту расположения владение Цигу совпадает с концом тепсейского этапа таштыкской культуры, что является достаточно веским основанием для их идентификации.

Можно предполагать, что именно в это время в Минусинской котловине появляются немногочисленные каменные изваяния тюркского типа (т. н. «таштыкские стелы»). Не исключено также, что изображения «рыцарей» в пластинчатых доспехах на тепсейских планках представляют древнетюркских воинов, попавших на Енисей и столкнувшихся с населением таштыкской культуры. Название Цигу для обозначения ранней общности кыргызов на Енисее упоминается в письменных источниках еще один раз при описании походов третьего правителя Первого тюркского каганата Мухан-кагана, который в 555н. н.э. в числе других завоеваний «на севере покорил Цигу и привел в трепет все владения, лежащие за границей» (Бичурин, 1950, с. 229). Скорее всего, эту дату условно можно считать концом таштыкской культуры и началом распространения на Среднем Енисее древнетюркского культурного комплекса, значение которого в культуре раннесредневековых кыргызов стало определяющим.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. Бартольд В. В. Киргизы. Исторический очерк// Сочинения, Т. II, ч. 1. М., 1968. С. 471-543.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в средней Азии в древние времена. Ч. 1. М.-Л., 1950.
- Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. - VII в. н.э. М., 1989.
- Бутанаев В.Я., Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. Абакан, 2000.
- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.
- Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб, 1999.

- Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. Памятники окуневской культуры. Л., 1980.
- Грязнов М.П. Миниатюры таштыкской культуры (из работ красноярской экспедиции 1968 года) // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. № 3. Л., 1971. С. 94-106.
- Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб, 1999.
- Дэвлет М.А. Большая Боярская писаница. М., 1976.
- Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. — I в. н.э. // Свод археологических источников (САИ). Вып. Д 4-7. М., 1980.
- Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948.
- Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Л., 1983.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 1 ("Древняя Сибирь"). Л., 1968.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Кляшторный С.Г. Проблемы ранней истории племени Турк (Ашина) // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 278-281.
- Козинцев А.Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л., 1977.
- Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979.
- Кузьмина Э. В.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.
- Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., 1960.
- Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984.
- Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. М., 2001.
- Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978.
- Максименков Г.А. Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб, 2003.
- Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979.
- Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.
- Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб, 1997.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Изд. ЛГУ. Л., 1984.

- Савинов Д.Г. Владение Цигу древнетюркских генеалогических преданий и таштыкская культура // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан, 1988. С. 64-74.
- Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии. СПб, 1996.
- Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. М., 1968. Вып. 2. М., 1973.
- Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) // Материалы по этнографии. Т. IV. Вып. 2. Л., 1929. С. 6-62.
- Хлобыстана М.Д. Древнейшие южносибирские мифы в памятниках окуневского искусства // Первобытное искусство. Новосибирск, 1971. С. 173-178.
- Худяков Ю.С. Проблемы истории древних кыргызов (первоначальное расселение) // Этнографическое обозрение. № 5. 2001. С. 75-83.
- Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972. Яхонтов С.Е. Древнейшие упоминания названия «киргиз» // Советская этнография. №2. 1970. С. 110-120.